

Час Кролика, императорский дворец.

— Ваше Величество, пора на утреннюю аудиенцию.

Обнажённый мужчина на ярко-жёлтом драконьем ложе коснулся пальцами спящего у внутреннего края Янь Минцина и, не дождавшись ответа, позвал снова:

— Ваше Величество?

— ...Мы хотим отменить прием, чтобы провести день-другой с моим генералом, прежде чем ты уедешь. — Янь Минцин с разметанными длинными волосами обхватил мужчину за талию и уже собирался прильнуть к нему, но его мягко придержали за подбородок.

Инь Сюй, услышав это, тотчас принялся увещевать его:

— Ваше Величество должны ставить интересы государства превыше всего. Перестаньте вести себя как капризный ребёнок.

— Мы раскаиваемся. Мы жалеем, что даровали тебе чин Генерала Конницы, жалеем, что позволили тебе отправиться на поле боя... — Янь Минцин сел, обвив руками шею Инь Сюя. Он уныло уткнулся лицом в ложбинку на его плече, явно намереваясь стоять на своём.

— Слово благородного мужа твердо. Ваше Величество — первый среди благородных мужей, вы должны подавать пример.

Договорив, Инь Сюй слегка отстранил маленького императора и наклонился, чтобы подобрать упавшее на пол исподнее.

— Постой... — Янь Минцин пошарил под одеялом и что-то выудил. Улыбнувшись, он подцепил пальцем алую нагрудную повязку с вышивкой «феникс среди пионов» и поднёс её к глазам Инь Сюя:

— Мой генерал забыл надеть вот это.

— Ваше Величество, — Инь Сюй беспомощно улыбнулся и повернулся спиной. — Помогите мне надеть его в последний раз.

— Почему в последний? Когда мой генерал вернется с победой, Мы будем помогать тебе одеваться каждый день.

Янь Минцин взял две тонкие завязки и принялся медленно обматывать их вокруг спины Инь Сюя, усыпанной синяками и отметинами.

Он обнял мужчину сзади и произнес хриплым, тихим голосом:

— Это замок, который Мы накладываем на тебя. Пока носишь его, не вздумаешь путаться с кем-то ещё.

— Ныне самый благородный человек в мире лежит подле вашего слуги, и я безмерно этим доволен. Даже если другие будут писаными красавицами, ваш слуга не удостоит их и взглядом.

Слушая этот бархатный голос, Янь Минцин почувствовал, как дыхание участилось; он закрыл глаза и поцеловал широкую спину мужчины. Затем его частые поцелуи двинулись выше, пока он не поймал эти тонкие губы, источавшие медовые речи, и не принялся их нежно покусывать.

— ...Как красиво ты говоришь. Но Мы слышали... будто некто, лицом и статью очень похожий на моего генерала, часто встречается с князем Яньканом в весёлом доме за чаркой вина.

— ... — Инь Суй слегка приоткрыл рот, позволяя императору терзать свою нижнюю губу.

— Князь Янькан рожден во дворце, но вырос в глуши; неудивительно, что у него нет великих помыслов и он каждый день ищет развлечений. Но у моего генерала высокие стремления, ты с ним не одной тропой ходишь, а значит, тот человек — не ты.

— ...Ваше Величество мудры.

— Мы верим моему генералу.

Янь Минцин отпустил его, глядя с безграничным доверием. Он не мог и на секунду отвести взор своих полных нежности глаз от любимого человека:

— Наверняка под твоим командованием война скоро закончится. Одержав победу, возвращайся поскорее. Придворные чиновники — сущие людоеды, Нам страшно...

— Ваше Величество, ваш слуга обязательно вернётся.

Инь Суй слегка кивнул и принялся облачаться в исподнюю рубаху и штаны. Затем поднял с пола придворное одеяние и надел его. Приведя себя в порядок, он поклонился и попрощался. Напоследок так и не взглянул маленькому императору в глаза и не сказал ни слова утешения.

Выйдя из опочивальни, Инь Суй окольным путем направился в Тронный Зал. Он презирал пустые разговоры с гражданскими чиновниками, а военных при дворе было мало, поэтому он привык держаться особняком.

То ли его уход из спальни расстроил императора, то ли ещё что, но во время приема Янь Минцин, подперев голову рукой, не сводил с него глаз; белые яшмовые подвески на его венце даже не шелохнулись. Хотя император только вступил в пору совершеннолетия, тяжесть его взгляда в минуты гнева была велика.

Инь Суй смиренно опустил взор, не смея поднять глаз.

После приема он поспешил уйти и, сев в карету у ворот дворца, вернулся в свою резиденцию.

Первым делом, оказавшись дома, он прошёл в свои покои и запер дверь.

Встав за ширмой, Инь Суй разделся донага; медное зеркало беспристрастно отразило его фигуру в нагрудной повязке.

Без тени сожаления он рванул четыре тонкие завязки, скомкал нагрудную повязку и швырнул её в пылающую жаровню.

Хм, император хоть и молод, а причуд в постели у него хоть отбавляй. Ещё и заставляет его, словно женщину, обматываться этим тряпьем...

Инь Суй почувствовал тупую боль в груди и выругался про себя: «Мерзость».

Никакого достоинства правителя страны — форменный младенец, который в детстве не напился молока кормилицы и теперь пытается наверстать упущенное, не разбирая пола.

Скорее бы на поле боя — и больше никогда не возвращаться. Даже если придется пасть за отечество, это лучше, чем участвовать в этом гнусном балагане.

И император тоже хорош: мало ему было заводить фаворитов, так он ещё посмел посягнуть на боевого генерала. Неужели совсем не боится однажды ночью лишиться жизни?

<http://bllate.org/book/22107/2316094>